



# Сергей Плохий **ЗАБЫТЫЕ БАСТАРДЫ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА**

Американские  
летчики в СССР и распад  
антигитлеровской коалиции

CoRpus



Блестящая и первая по-настоящему многосторонняя история  
амбициозного, но обреченного замысла. **WORLD WAR II MAGAZINE**

# **Сергей Николаевич Плохий Забывтые бастарды Восточного фронта. Американские летчики в СССР и распад антигитлеровской коалиции**

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=67916057](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67916057)*

*Забывтые бастарды Восточного фронта. Американские летчики  
в СССР и распад антигитлеровской коалиции: Издательство АСТ:*

*CORPUS; М.; 2022*

*ISBN 978-5-17-123476-8*

## **Аннотация**

Новая книга известного историка Сергея Плохия посвящена малоизвестной странице Второй мировой войны – истории создания и деятельности трех баз ВВС США в Полтавской области, “где советские и американские солдаты жили и сражались плечом к плечу” и с которых проводились челночные бомбардировки объектов в странах Оси.

Здесь есть герои большой политики, сыгравшие важные роли в воплощении амбициозного замысла челночных бомбардировок: Франклин Рузвельт, посол США в СССР Аверелл Гарриман, генерал Дин, с советской стороны – Иосиф Сталин, нарком

Вячеслав Молотов, генерал Алексей Новиков, но также многие тысячи людей, причастных к повседневной деятельности баз. За это недолгое время они получили колоссальный опыт взаимодействия и общения, который повлияет на всю их дальнейшую жизнь. Уникальность работе придает использование обширных архивных материалов КГБ УССР (контрразведки Смерш), ранее недоступных исследователям.

Это микроистория, в которой, как в капле воды, отразилась заведомая обреченность изначально блестящего плана.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

# Содержание

Предисловие	6
Пролог	13
Часть I. Великий союз	16
Глава 1. Миссия в Москве	16
Глава 2. Сталинский вердикт	31
Глава 3. Неистовство	45
Конец ознакомительного фрагмента.	60

**Сергей Николаевич Плохий**  
**Забытые бастарды**  
**Восточного фронта.**  
**Американские летчики**  
**в СССР и распад**  
**антигитлеровской**  
**коалиции**

© Serhii Plokyh, 2019. All rights reserved

© В. Измайлов, перевод на русский язык, 2022

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет,  
2022

© ООО “Издательство АСТ”, 2022

Издательство CORPUS ®

# Предисловие

В 1950 году Уинстон Черчилль назвал третий том своих воспоминаний “Великий союз”. Это наименование он позаимствовал из истории – так назывался альянс Англии, Шотландии и европейских держав против Франции в конце XVII – начале XVIII веков: результатом слаженных действий союзников Англия возвысилась, Франция ослабела. Великий союз XX столетия, как и его предшественник, привел к потрясающим успехам в достижении ближайших целей. Американцы помогли Великобритании и СССР через программу ленд-лиза, в июне 1944 года в Европе открылся второй фронт, в августе 1945 года Советский Союз объявил войну Японии – вот три ярчайших достижения союзников. Встречи Рузвельта, Сталина и Черчилля – Большой тройки, как их прозвала пресса, – в Тегеране (1943) и Ялте (1945) внушили уверенность в единстве союзников в годы войны, привели к поражению стран Оси и помогли создать новый международный порядок и институцию, ставшую его воплощением, – Организацию объединенных наций, самую долговечную координирующую организацию в мировой истории.

Но важнее, чем военный успех второго Великого союза, было ожидание того, что он продолжится в послевоенной эпохе, и оттого еще большим разочарованием стал его крах несколько лет спустя. К 1948 году мир, в сущности, раз-

делился на два лагеря: к одному принадлежали Соединенные Штаты Америки и Великобритания, к другому – Советский Союз и его восточноевропейские сателлиты. Еще через год возникла Организация Североатлантического договора (НАТО) – военный альянс западных держав, а вслед за ней, в 1955 году, – Организация Варшавского договора, союз коммунистических режимов Восточной Европы под предводительством СССР. Мир столкнулся не просто с угрозой новой войны, а с перспективой ядерного уничтожения. Великий союз завершился великим провалом, олицетворением которого, по меткому выражению того же Черчилля, стал железный занавес, разделивший послевоенную Европу пополам.

Что же пошло не так? – вопрошал весь мир. Кто в ответе за начало холодной войны? Одни винили Сталина – говорили, что он хочет расчленить Иран, захватить черноморские проливы, насадить коммунизм в Восточной Европе... Другие возражали: нет, виновата Америка – это она сместила равновесие сил в мире, когда в августе 1945 года изготовила атомную бомбу и отказалась делиться новой технологией с Советским Союзом. Сталину ничего другого не оставалось, кроме как бросить еще больше сил на воплощение геостратегических планов военных лет. В этой книге мы не станем никого винить: мы пойдем по другому пути и раскроем истоки конфликтов и кошмаров холодной войны, восходящие к истории Великого союза. Мой главный аргумент довольно прост: он был обречен из-за внутреннего конфликта между

культурами и политическими традициями СССР и США и начал распадаться не после Второй мировой войны, а еще до ее завершения.

Это история распада изнутри, и в ее фокусе – единственное место, где советские и американские солдаты жили и сражались плечом к плечу, – три базы американских ВВС, устроенные в апреле 1944 года на территории Полтавской области, бывшей тогда частью СССР. На этих базах приземлялись американские бомбардировщики, вылетавшие на задания с аэродромов в Великобритании и Италии и на обратном пути устраивавшие повторные бомбардировки. В последний год войны в Европе американцы тесно сотрудничали с Советским Союзом, и полтавские базы нельзя назвать незначительными или малозаметными: в операциях, связанных с челночными бомбардировками, принимали участие тысячи летчиков, авиационных механиков и рядовых. Более того, десятки тысяч советских граждан могли встречаться с американскими летчиками и иногда вступали с ними в очень близкие отношения. Так что история эта прежде всего повествует о людях: их жизни, чувствах, восприятии мира...

Об истории авиабаз на Украине в 1944–1945 годах написано немало. С американской стороны сохранилось множество источников, доступных в архивах и библиотеках США. Прежде всего – четыре подробных, более-менее современных описываемым событиям официальных отчета об опера-



ции “Фрэнтик”<sup>1</sup>, как командующие Стратегическими ВВС США в Европе назвали серию американских челночных бомбардировок, проходивших в разное время. Архивы американского Агентства исторических исследований ВВС (база ВВС “Максвелл”, Алабама), документальная коллекция Военной миссии США в Москве (Национальное управление архивов и документации, Мэриленд), архив Аверелла Гарримана в Библиотеке конгресса, а также бумаги президента Рузвельта в Президентской библиотеке и музее в нью-йоркском Гайд-Парке – вот изобильные источники сведений и для моего повествования, и для рассказов тех, кто писал о базах прежде<sup>1</sup>.

Предлагаемое вашему вниманию исследование отличается тем, что в работе были использованы ранее недоступные источники – это документы КГБ и его предшественников, в которых отражена деятельность советской военной контрразведки и госбезопасности, следивших за американцами и их контактами с военнослужащими ВВС РККА и местным населением. Документы охватывают период от открытия баз до середины 1950-х годов, начала холодной войны, и отражают возмущавшее с каждым годом напряжение. Революция достоинства на Украине (2013–2014) привела, помимо прочего, к архивной революции: впервые в истории раскрылись хранилища бывшего КГБ и с документов времен Второй мировой войны, унаследованных от военной контрраз-

---

<sup>1</sup> От *frantic* – неистовый (англ.). (Здесь и далее прим. ред., если не указано иное.)

ведки, сняли гриф секретности. Рапорты разведчиков, служебные записки их начальников, донесения тех, кто “шпионил за шпионами”, – более 20 пухлых томов теперь доступны исследователям и широкой публике. Как и подозревали американцы, советская сторона неусыпно следила за союзниками, фиксируя не только действия, но и убеждения последних.

С невероятными ясностью и точностью, несвойственными другим источникам, документы КГБ описывают отношение советской стороны к американским военным: как развивалось взаимодействие советских и американских солдат на полтавских базах и как со временем преобразилось мнение гостей о принимающей стороне. Американские военные хроники и рапорты советской контрразведки – своеобразный тандем, создающий прочный фундамент для понимания той роли, которую играли политика, идеология и культура в формировании отношений союзников в годы войны. Благодаря ему не остается сомнений, что отношения ухудшались не только из-за исчезновения общего врага или из-за идеологической несовместимости и не оттого, что по мере приближения окончания войны переменились советские и американские геополитические расчеты. Не менее важны впечатления американских военных, служивших на авиабазах: даже изначально самые просоветски настроенные американцы стали непримиримыми противниками коммунистического режима. Конфликт глубоко различных мировоззрений и

ценностей рядовых участников советско-американских контактов подорвал Великий союз еще до того, как исчезли высшие геополитические причины его существования, – причины, которые этот конфликт предвосхитил и отразил.

С каждым днем становятся все сильнее ветра новой холодной войны, и нам стоит обратиться к прошлому, увидеть, как Великий союз действовал на американских базах на Украине в 1944–1945 годах, и поучиться у тех, кто всеми силами пытался продлить ему жизнь. Главный урок для будущих поколений – партнерство продолжается, пока необходимо сокрушить общего врага. Но ни взаимного доверия, ни долгих отношений между союзниками не будет никогда, если несовместимы их взгляды на справедливое политическое устройство и, в конечном итоге, – на свободу и тиранию.

ЕВРОПА, АПРЕЛЬ 1944 г.



# Пролог

Теплым майским днем 1958-го – в том самом году, когда разразившийся кризис привел к возведению Берлинской стены, – бригада наружного наблюдения КГБ следила за объектом под кодовым именем Турист. Это был мужчина среднего роста, худощавый, на вид лет тридцати пяти, с чуть вытянутым лицом, в очках и с крупным прямым носом. Субъект был одет в зеленоватую рубашку и темно-серые брюки, слишком узкие по советским стандартам. Следовало ожидать, что это был иностранец.

Турист ехал в советской “Волге”. От съезда с Киевского шоссе на Полтаву в паре десятков километров от города его вели “топтуны”. В Полтаве Турист проявил особый интерес к Корпусному саду, монументу Славы, местному музею и театру. Как любой путешественник, везде делал снимки. Но интерес гостя к самому обыкновенному дому в центре города вызвал подозрения. Мужчина приехал к номеру 28 на Пушкинской улице и постучал в дверь. Никто не ответил. Вошел во внутренний двор, где встретил женщину из соседнего дома, что-то спросил у нее. “Наружке” удалось разобрать лишь одно слово: “Нина”. Женщина указала на одну из дверей со двора. Незнакомец постучал – снова ничего. Сел в машину и уехал. Весь визит в Полтаву занял три часа. Бригада наружного наблюдения заполнила отчет. Они не знали ни кем был

Турист, ни зачем он приезжал в город. Знали лишь, что он не нашел того, кого искал<sup>1</sup>.

Гостем был 39-летний Франклин Гольцман, бывший радар-механик американских ВВС. Большую часть 1944 года и половину 1945-го он служил на базах ВВС США в Советской Украине. Гольцман, автор книги о советской налоговой системе, посещал Москву и Киев и решил ненадолго заехать в Полтаву, где провел восемь месяцев. Это был памятный период, благодаря которому он определился с будущей профессией – изучением экономики СССР. Он искал Нину Афанасьеву: они впервые встретились в Полтаве в декабре 1944 года, а весной 1945-го она по требованию чекистов прекратила общение с ним. Полтавский отдел КГБ искал ее весь 1958 год и большую часть следующего, 1959-го. Ее нашли на юге Украины, в Николаеве. Расследование показало, что она не вступала в контакт с Гольцманом, и ее оставили в покое<sup>2</sup>.

В 1958 году, когда Гольцман второй раз приехал в Советский Союз, война закончилась уже более десяти лет назад, а другая война, холодная, приближалась к апогею. Прежние союзники стали врагами. Гольцман ничего не знал ни о слежке КГБ, ни о подозрениях и до конца своих дней – умер он в сентябре 2002 года – с теплотой вспоминал службу в СССР. У себя дома в Лексингтоне, штат Массачусетс, он хранил фотографии, письма и украинские вышитые скатерти, напоминавшие ему о днях, когда американские и советские бойцы сражались плечом к плечу. Но даже разобравшись в хит-

росплетениях советской экономики, Гольцман так и не смог объяснить некоторые из своих впечатлений военных лет. И прежде всего он не знал, почему Советы вообще позволили американцам устроить военные базы на своей территории<sup>3</sup>.

# Часть I. Великий союз

## Глава 1. Миссия в Москве

Принимающая делегация прибыла на Центральный аэродром задолго до прилета гостей. Близился вечер 18 октября 1943 года. По ночам уже подмораживало, было холодно даже для Москвы. Вячеслав Молотов, нарком иностранных дел, – коренастый, с квадратной челюстью и маленькими усами, в очках, плотно сидевших на крупном носу, – уже продрог. Замерзли его многочисленные помощники, офицеры и солдаты почетного караула, музыканты духового оркестра... Аэродром был меньше чем в восьми километрах от Кремля, правительственный кортеж мог доехать до него максимум за четверть часа, но Молотов явился рано – не хотел рисковать. Гостями, которых ему предстояло встретить, были госсекретарь США Корделл Халл и британский министр иностранных дел Энтони Иден<sup>1</sup>.

Время позволяло, и Молотов с сопровождающими укрылись от холода в здании первого в СССР аэровокзала. Этот аэродром, прозванный в народе Ходынкой, – по названию Ходынского поля, где в мае 1896 года толпа, собравшаяся на празднования по случаю коронации последнего российского



императора Николая II, затоптала насмерть более 1 300 человек, – был колыбелью советской авиации. В 1922 году, через пять лет после революции и через год после окончания гражданской войны, с этого аэродрома победители-большевики организовали первый международный перелет в Кёнигсберг и Берлин. Россия и Германия, ставшие по итогам Первой мировой войны мировыми изгоями, смотрели в будущее вместе – и небо не ставило препятствий их сотрудничеству, а напротив, давало возможности для укрепления отношений. В августе 1939 года, 17 лет спустя, Иоахим фон Риббентроп, министр иностранных дел в правительстве Гитлера, прилетел в Москву тем же путем, чтобы подписать с Молотовым пакт, означавший раздел Европы. С этого пакта и началась Вторая мировая война<sup>2</sup>.

Теперь на том же самом аэродроме, где четыре года тому назад приземлился самолет Риббентропа, Молотов ждал прибытия новых друзей. Советский Союз нуждался в помощи Корделла Халла и Энтони Идена, чтобы разгромить бывшего “товарища” – Германию. Несмотря на все обещания, Гитлер в июне 1941 года вторгся в СССР и к декабрю его войска дошли до Москвы, остановившись в нескольких десятках километров от столичного аэродрома. Но теперь положение было не настолько отчаянным. В декабре 1941 года Красная армия отбросила немцев от Москвы, а в феврале 1943-го, когда в СССР в рамках рузвельтовской программы ленд-лиза хлынула американская помощь, советские войска

разбили немцев под Сталинградом. Удача повернулась лицом к русским.

И все же будущая победа была еще далека. В октябре 1943 года Красная армия еще сражалась с немцами в центральной части Украины и готовилась штурмовать гитлеровский Восточный вал – линию обороны на Днепре. Ширина реки во многих местах превышала 700 метров, это было серьезное препятствие. Николай Гоголь писал: “Редкая птица долетит до середины Днепра” – это было художественным преувеличением, но отражало силу и значительность этой водной артерии. Битва за Днепр, которая длилась с августа 1943 года до начала зимы, стоила Красной армии 350 тысяч погибших солдат и офицеров, а общее число потерь составило 1,5 миллиона человек. С такими “победами” в Красной армии скоро закончились бы бойцы. Советскому руководству была нужна помощь американцев.

Молотов летал в Лондон и Вашингтон в мае 1942 года, настаивал на открытии совместного англо-американского фронта в Западной Европе. Рузвельт обещал помочь, англичане тянули. Операция началась в июле 1943-го, но не в Западной Европе, а в Южной. Союзники высадились на Сицилии: план, одобренный англичанами, подразумевал оборону их средиземноморского пути в Индию. К началу сентября бои велись на итальянской земле. Иосифа Сталина это совершенно не устраивало: немцы могли оборонять Апеннинский полуостров, не перебрасывая сил с Восточного фрон-

та. СССР считал, что это не второй фронт. Лишь высадка во Франции могла заставить Гитлера перебросить дивизии с востока, и Советский Союз жаждал, чтобы это произошло как можно скорее. Кроме того, советские вооруженные силы нуждались в ленд-лизе и постоянных поставках оружия, в том числе новейших самолетов, которые могла производить и поставлять только Америка. В СССР надеялись, что Корделл Халл поможет решить обе проблемы<sup>3</sup>.

\* \* \*

Наконец Молотов и его свита узрели в небесах совершенное воплощение американской мощи и технологического превосходства: после 16:00, блистая в вечерних лучах осеннего солнца, над Ходынской появились и зашли на посадку три огромных серебристых Дугласа С-54 “Скаймастер”.

Советский Союз желал получить “скаймастеры” по ленд-лизу, но американцы еще не решались поставлять новейшие самолеты, летавшие менее двух лет. Вашингтону они были нужны для войны в Тихом океане и предстоящего вторжения в Европу. Длина фюзеляжа “скаймастера” превышала 28 метров, размах крыльев – почти 35 метров, четыре двигателя позволяли преодолеть до 6,4 тысяч километров на высоте до 7 тысяч метров на крейсерской скорости свыше 300 километров в час. С экипажем из четырех человек самолет мог принять на борт до 50 бойцов. Изначально самолет проекти-

ровался как пассажирский, затем был трансформирован для военных целей. Однако можно было вернуть и изначальное устройство, и тогда “скаймастер” становился летающим штабом для американского руководства и командующих войсками. В январе 1943 года Франклин Рузвельт для полета в Касабланку на встречу с британским премьер-министром Уинстоном Черчиллем выбрал именно президентский C-54. Самолет оберегали как зеницу ока и потому прозвали Священной коровой.

К немалой радости Сталина, западные союзники решили вести войну до окончательного поражения или безоговорочной капитуляции Германии<sup>4</sup>. Госсекретарю Халлу и его сопровождающим на долгом пути в Москву требовались все удобства, которые могла предоставить усовершенствованная версия “скаймастера”. Седьмого октября они вылетели из Вашингтона в Пуэрто-Рико, потом на теплоходе дошли до Касабланки, там погрузились в самолеты, перелетевшие через Атлантику без пассажиров, и направились в Алжир, затем в Каир, Тегеран и, наконец, прибыли в Москву. Халлу незадолго до полета исполнилось 72 года, он явно чувствовал себя неважно и никак не был счастливым путешественником. Американцы, опасаясь, что на высоте 2,5 тысячи метров у Халла случится сердечный приступ, включили в делегацию военного врача, который подавал Халлу кислород из баллона – госсекретарь должен был долететь до Москвы живым.

Вторым по важности человеком в команде Халла был новоиспеченный посол США в Москве Аверелл Гарриман. Уроженец Нью-Йорка, высокий, худощавый, Гарриман готовился отметить свой 52-й день рождения, но выглядел намного моложе. Открытое лицо, мужественные черты и широкая улыбка снискали ему популярность у женщин и помогли создать репутацию успешного переговорщика. Как и многие другие в президентской администрации времен войны, некогда Гарриман был бизнесменом, а в администрацию пришел весной 1941 года благодаря Гарри Гопкинсу, другу и правой руке президента. Рузвельт искал человека с опытом предпринимательства, способным вести с Великобританией дела по ленд-лизу. Гарриман съездил в Лондон в качестве специального представителя президента в Европе. Ему доверили многомиллиардную программу, по которой Великобритания получала поставки из США, позволившие ей остаться на плаву во время войны с Германией. В сентябре 1941-го Гарриман летал из Лондона в Москву и договаривался со Сталиным о расширении программы ленд-лиза на Советский Союз, а в октябре 1943-го был назначен послом США в Москве.

Рузвельт желал, чтобы Гарриман, оказавшись в Москве, убедил Сталина в доброй воле Америки, установил тесные отношения в военной сфере накануне открытия второго фронта, а также – что не менее важно – провел переговоры о будущем Восточной Европы, особенно о советских

планах по расширению территорий за счет Балтийских государств, Польши и Румынии на основе пакта Молотова – Риббентропа 1939 года. Американский президент ожидал, что СССР умирит амбиции в обмен на будущее сотрудничество с Соединенными Штатами и Великобританией. Взамен Рузвельт был готов на многое: предложить Сталину право на равных вести переговоры с западными державами; предоставить Советскому Союзу доступ к портам на Балтике, закрепив это в международных соглашениях; обеспечить финансовую и техническую поддержку в восстановлении территорий СССР, разоренных войной<sup>5</sup>.

Прежде чем покинуть Вашингтон и отправиться сначала в Лондон, а затем в Москву, Гарриман заручился уверениями Рузвельта в том, что он будет осведомлен обо всех аспектах американо-советских отношений, включая военное сотрудничество. Его желание не просто исполнилось – вдобавок он получил право выбрать главу военной миссии. Гарриман предложил двоих кандидатов, и генерал Джордж Маршалл, начальник штаба армии США, согласился отправить в Москву одного из них. Это был 47-летний генерал-майор Джон Рассел Дин, секретарь Объединенного комитета начальников штабов США и Великобритании, человек весьма способный и авторитетный в Вашингтоне. И теперь генерал Дин, для друзей просто Расс, летел в Москву в одном самолете с Гарриманом и Халлом. “Я был полон сил и надежд, уверен и счастлив”, – позже писал Дин о своих чувствах во

время перелета. Как и Гарриман, он верил, что сумеет поладить с советскими коллегами. В конце концов, дружба с американцами была и в их интересах! Он был рад оставить свои обязанности в Вашингтоне, возглавить собственную команду и поработать с Гарриманом, которого уважал и которым восхищался<sup>6</sup>.

Если Гарриман своей главной задачей в Москве видел обсуждение послевоенного порядка в Европе, то Дин в основном должен был координировать советско-американские усилия, конечной целью которых был разгром Германии. До открытия второго фронта – высадки во Франции – оставались долгие месяцы. Но возможность начать немедленное сотрудничество с Советским Союзом существовала уже сейчас. Перед тем как Гарриман и Дин отправились в Москву, с ними связался генерал Генри Арнолд, командующий ВВС США, имевший в армии прозвище Счастливчик. В то время он занимался организацией совместных с британскими ВВС воздушных бомбардировок Германии и ее европейских союзников: американские летчики вылетали с английских баз, поражали цели на территории противника и возвращались в Великобританию. Арнолд ожидал, что Гарриман и Дин убедят руководство СССР позволить устроить американские авиабазы на советской территории. Тогда бомбардировщики смогли бы залетать гораздо глубже за линию фронта. Они бы поднимались в небо в Великобритании и заходили на посадку в Советском Союзе, а через несколько дней, пополнив

боеприпасы, возвращались бы обратно. Таким образом можно было не только уничтожить германские промышленные предприятия в Восточной Европе, но и ослабить позиции немцев на Восточном фронте.

Казалось, от этого выиграют все. “И я, и Гарриман, – вспоминал Дин, – восхитились идеей Арнолда и отправились в Россию, уверенные в том, что чистая логика позволит воплотить в жизнь его план”. Они полагали, что базы на советской стороне Восточного фронта подготовят почву для создания аналогичных на Дальнем Востоке: там американские командующие рассчитывали не только на советские силы, но и на обустройство своих площадок для совершения налетов на крупнейшие из Японских островов. Дин не был человеком из авиации, но как секретарь Объединенного комитета начальников штабов вел немало дел с Арнолдом и Стратегическими ВВС США в Европе, а потому собирался сделать предложение о постройке авиабаз своим приоритетом в Москве. На пути из США в СССР через Ближний Восток он ненадолго остановился в Лондоне, посетил штаб 8-й воздушной армии США, бомбившей германские объекты в Европе, встретился с командованием и принял доклады о результатах стратегических бомбардировок, в том числе получил список объектов, до которых американские летчики могли долететь, если бы имели возможность приземлиться на территории Советского Союза. Задача была ясна, и Дин с нетерпением ждал начала своей московской миссии<sup>7</sup>.



Полет “скаймастера” из Тегерана в Москву был своеобразной демонстрацией желания работать вместе. В Тегеране советская сторона придала американскому экипажу радиста и штурмана, чтобы самолет не затерялся в воздушном пространстве России и не был по ошибке принят за вражеский. Но даже несмотря на взаимное желание, возможности совместной работы были весьма ограничены. Дочь посла Гарримана, Кэтлин, сопровождавшая отца, писала своей сестре Мэри: “Вскоре после того как мы отправились в путь, мне передали записку от пилота Халла... В ней говорилось, что в кабине совершенно необходимо мое присутствие”. Пройдя туда, Кэтлин увидела, что американские летчики ругались с советскими: те хотели лететь на большой высоте, а американцы отказывались, поскольку врачи запретили Халлу подниматься выше 2,4 тысяч метров. Проблема, как писала Кэтлин, состояла в том, что “у них не было ни одного общего языка для всех”. Не знала его и Кэтлин, американские пилоты просто поставили ее между собой и советскими коллегами. Присутствие юной девушки успокоило и тех и других.

Кэтлин Гарриман, для друзей и семьи просто Кэти, присоединилась к отцу в Лондоне в мае 1941 года. Сперва она работала в Международной службе новостей (*International News Service, INS*), а потом в журнале *Newsweek*. Кэти было 26 лет, она была высокой прекрасно сложенной девушкой, увлекалась верховой ездой. Ее улыбка и очарование привлекали внимание мужчин. В отличие от хворавшего госсекре-

таря Халла, она предвкушала приключения в Москве. В будущем она выучит русский язык и станет хозяйкой в американском посольстве, сгладит немало конфликтов между советскими и американскими дипломатами и военными чинами, которые в присутствии женщин становились намного сдержаннее. Этот талант она проявила уже во время полета в Москву. “Мы приближались к Сталинграду, к этому времени все напряжение ушло, сложности исчезли, и наша «Сталинградская битва», которую мы вели на языке жестов, завершилась, – писала Кэти сестре. – На подлете к Москве мы все уже были накоротке”<sup>8</sup>.

Американцы не верили своим глазам, но советский штурман вел “скаймастер” к пункту назначения, ориентируясь по рекам, железнодорожным веткам и трассам. Прежде чем приземлиться на Центральном аэродроме в Москве, они пролетели над Кремлем. “Из окна самолета, – писал позже Джон Дин, – я видел купола кремлевских храмов, перекрашенные в черный ради маскировки, видел сияющие воды Москвы-реки, Красную площадь, собор Василия Блаженного и блестящие штыки почетного караула, ожидавшего внизу, на летном поле: Советский Союз готовился приветствовать Корделла Халла, нашего прославленного госсекретаря”. Сделав круг и нацелившись на взлетно-посадочную полосу, “скаймастер” зашел на посадку. Долгий перелет из Москвы в Вашингтон наконец-то был завершен<sup>9</sup>.



Вячеслав Молотов и его сопровождающие, которые, по свидетельству Дина, “уже посинели от холода, пронизавшего их до мозга костей”, приветствовали американскую делегацию, радуясь тому, что их ожидание наконец-то подошло к концу.

Молотов и Халл обошли строй почетного караула. Оркестр заиграл “Интернационал”, изначально бывший гимном европейских социалистов, а в это время государственный гимн СССР. Его строки не сулили капиталистическому миру ничего хорошего: “Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим...”. Потом оркестр заиграл “Знамя, усыпанное звездами” – гимн США. И слова “Наш девиз неизменен: «Лишь Богом мы живы»” не могли вызвать никакого замешательства – никто не пел гимны, звучала только музыка. Дин счел исполнение американского гимна “превосходным, но слегка непривычным”<sup>10</sup>.

На взлетно-посадочной полосе присутствовала и британская делегация, возглавляемая министром иностранных дел Энтони Иденом. Британцы прибыли в Москву на переговоры и сейчас ожидали своей очереди приветствовать американцев. Это было торжественное событие. Молотов подошел к микрофону и приветствовал союзников, после него кратко

выступили Иден и Халл. Госсекретарь США сказал, что он был “особенно рад посетить Москву, столицу государства, вступившего в союз с моей страной ради общего дела”. Позже в тот же день Халл, Иден и Молотов в сопровождении своих сотрудников встретились в кабинете Молотова в Кремле, чтобы четче определить это общее дело и наилучшие пути его воплощения в жизнь. Они решили выпустить краткое коммюнике, перечислив в нем имена американских и английских деятелей, прибывших в Москву, и советских официальных лиц, встречавших обе делегации на аэродроме, хотя никакие цели визита прессе не сообщались<sup>11</sup>.

Были серьезные причины не только для секретности с учетом военного времени, но и для сдержанности в комментариях для публики о возможных исходах визита. Высокопоставленные дипломаты из союзных держав прибыли в Москву на первую конференцию на уровне министерств, посвященную послевоенному мировому порядку. Участники Московского совещания, как впоследствии называли эту встречу, были амбициозны, но никто не мог предсказать, совпадет ли видение будущего трех союзных сторон. Двенадцать дней, с 19 по 30 октября, три министра иностранных дел обсуждали создание ООН и учреждение Европейской консультативной комиссии, которая должна была заниматься проблемами освобожденных территорий и странами Европы. На повестке дня было уничтожение фашизма в Италии, восстановление суверенитета Австрии, преследование военных преступников.

Так начинался долгий процесс поиска общих оснований для послевоенного устройства мира. Впереди ждали трудности, но намерения были самыми возвышенными<sup>12</sup>.

Советско-американское сотрудничество вступало в новую эру, и Гарриман и Дин верили, что она будет выдающейся. На встрече с Молотовым 21 октября Гарриман сказал, что прибыл “как друг” – и даже выразил надежду, что когда-нибудь они полетают вместе на его высокоскоростном самолете. Гарриман, во время пребывания в Лондоне сблизившийся с Черчиллем, теперь пытался завести друзей в Москве и, в частности, установить личные отношения с Молотовым. Отец Гарримана был железнодорожным магнатом и мультимиллионером. На Западе пригласить друзей из числа государственных служащих приятно провести свободное время – прийти на званый ужин, покататься верхом, погонять на автомобилях или совершить полет на самолете – было привычным в бизнесе и политике. Тот же подход Гарриман пытался применить и в Москве, предлагая дружбу и ожидая того же в ответ<sup>13</sup>.

Вскоре Аверелл и Кэти Гарриман прониклись чувствами и к стране, в которой пребывали, и к ее народу. “Я только теперь начинаю понимать, что те давние русские сообщения с их безличной героикой и огромным числом погибших, пропавших без вести и раненых здесь касаются чего-то очень личного – друзей, семьи... – писала Кэтлин своей сестре Мэри 5 ноября. – В этом смысле, даже если их учат, что госу-

дарство превыше всего, русские – самые обычные люди, и как ни странно, но государство тоже видит это, поэтому порой устраивается салют по случаю новой победы и укрываются разрушенные бомбами здания”<sup>14</sup>.

Американская делегация прибыла в Москву, исполненная энтузиазма и решимости вывести советско-американские отношения на новый уровень. Ожидались не только встречи лидеров Великого союза, но и непосредственное сотрудничество американских и советских вооруженных сил. Генерал Дин, которому предстояло решать эту задачу, желал преуспеть как никто другой и верил в то, что может сделать это, прорвавшись через фасад коммунистического государства к скрытой за ним общей человечности.

## Глава 2. Сталинский вердикт

Впервые встретив Иосифа Сталина 30 октября 1943 года на банкете, которым завершалась Московская конференция, генерал Дин был поражен, увидев, насколько невысок ростом оказался советский вождь. Его впечатлила серо-стальная седина диктатора, но больше всего – “благожелательное выражение на его очень морщинистом, нездорового цвета лице”. Сталин был в военной форме с погонами маршала Советского Союза: это звание было присвоено ему в марте 1943 года после победы под Сталинградом. Он прогуливался по залу, приветствовал гостей, в том числе членов американской и британской делегаций, которых было человек шестьдесят, “постоянно сутулясь, редко смотря кому-либо в глаза и не говоря ни слова”<sup>1</sup>.

Тем вечером Дин не только пожал руку маршалу, но и выпил с ним. За банкетным столом, который генерал считал “выше всяких похвал”, заздравные тосты начались с Молотова, поднявшего бокал за британо-американо-советскую дружбу. Дин знал, что это только начало, и приготовился к ночи тяжких возлияний. Сотрудники американского посольства сразу же после прибытия Дина и Гарримана в Москву сообщили им, что единственный способ заслужить уважение советских людей – перепить их. “После тоста трудно схитрить, – писала сестре Кэти Гарриман, посетившая немало таких банкетов. –

После речи нужно переворачивать бокал верх дном, и если останутся капли, то это, согласно русскому обычаю, капли несчастья, которое ты желаешь тому, с кем пьешь”.

Ее отец осчастливил своих сотрудников и дал им повод для гордости, когда через несколько дней на роскошном приеме, устроенном Молотовым в честь годовщины Октябрьской революции, превзошел в питии не только советскую принимающую сторону, но и своего британского коллегу, сэра Арчибальда Кларка Керра. Как писала Кэти, Керр “не без труда поднялся сказать тост, хотел опереться рукой о стол, но промахнулся и упал лицом прямо к ногам Молотова, утянув за собой целую грудку тарелок и бокалов, с грохотом попадавших на него сверху”. Отец и дочь на следующее утро мучились тяжелейшим похмельем: тосты “до дна” поднимались с водкой, а не с вином. Но в тот вечер соотечественники ими гордились. “Все американцы были очень довольны”, — писала Кэти сестре<sup>2</sup>.

Дин, уже испытывавший тосты “пей до дна” на первом приеме конференции, знал, что рано или поздно придет его черед говорить тост. Позже он вспоминал, как “ломал голову, гадая, что бы такого умного сказать”. Встав из-за стола, он произнес, что ему оказана честь возглавить военную миссию США в Москве, в ней он видит авангард тех миллионов американцев, которым предстоит присоединиться в войне к своим советским союзникам. Советская сторона, желавшая от конференции лишь одного — обещания открыть второй



фронт, пришла в восторг, услышав эти слова американского генерала. А после Дин произвел фурор, подняв тост за тот день, когда авангарды британской и американской армий встретятся с передовыми отрядами Красной армии на улицах Берлина. По иронии судьбы, через нескольких лет встреча в Берлине, которую предсказывал Дин, разделит надвое немецкую столицу, но в то время никто не предвидел проблемы в том, что три державы объединят там свои силы.

Тост имел огромный успех. Все выпили до дна, но потом, к удивлению Дина, остались стоять. Он понял причину, лишь когда сосед толкнул его локтем, и Дин обернулся: рядом с ним стоял Сталин с бокалом в руке. Услышав тост, советский диктатор встал со своего места и обошел стол, пройдя за спинами гостей; его неприметная фигура оказалась вне поля зрения Дина. Они выпили до дна вместе: Дин – водку, а Сталин – скорее всего, привычное красное вино, которое часто разбавлял водой. Напоить гостей и слушать, что они говорят в состоянии крайнего опьянения, – это был старый фокус Сталина, правда, он чаще практиковал его на своих приближенных, нежели на иностранных гостях<sup>3</sup>.

\* \* \*

Для Дина конференция закончилась на высокой ноте. Благодаря тосту на банкете, он стал “гвоздем программы”, как писал впоследствии Корделл Халл. Он весьма оптими-

стично смотрел на прогресс в достижении его главной цели в Москве – получить разрешение разместить на советской территории американские авиабазы.

Дин служил в Вашингтоне, в штаб-квартире Объединенного комитета начальников штабов, и потому прекрасно знал, что воздушные операции, проводимые американцами и англичанами в Европе, шли из рук вон плохо. Поставленная задача одолеть люфтваффе к концу 1943 года и тем самым подготовить высадку во Франции была все так же далека от исполнения. Но уже настала осень 1943 года, а люфтваффе оставалось живее всех живых и из-за их противостояния британским и американским самолетам все дороже обходились бомбардировки целей в Германии. Немецкие системы противовоздушной обороны также никак не удавалось подавить.

В 1943 году Королевские ВВС потеряли 2 700 тяжелых бомбардировщиков сбитыми или поврежденными. Например, бомбардировки Берлина, длившиеся с ноября 1943-го по март 1944-го, привели к потере 1 128 британских самолетов. Сокрушительными были и потери американцев. За вторую неделю октября 1943 года, в том самом месяце, когда Дин прибыл в Москву, 8-я воздушная армия, проводившая операции из Великобритании, потеряла 148 бомбардировщиков. Потери в налете бомбардировочной авиации 14 октября составили 20,7 %, аварийность – 47,4 %. Авианалеты, совершаемые вглубь немецкой территории без сопровожде-

ния истребителей, теперь обходились непозволительно дорого, а такие истребители, как Р-51 “Мустанг”, не могли долететь до Восточной Европы: их баки не вмещали столько топлива.

Счастливчик Арнолд считал, что решением проблемы с люфтваффе могли стать челночные бомбардировки. Самолеты должны были взлетать с авиабаз в Великобритании и Италии, пролетать над территорией, подконтрольной Германии, но затем не поворачивать назад, так и не долетев до немецких самолетостроительных заводов и аэродромов, расположенных на востоке Германии и в Восточной Европе, садиться уже за линией фронта с советской стороны. Кроме того что самолеты могли бы добраться до ранее недостижимых объектов, они бы вдобавок рассеяли силы люфтваффе, заставив их сражаться на два фронта. Советский Союз, не имевший серьезной дальней авиации и не досаждавший немцам ничем, кроме наземных операций, также бы выиграл, так как американские бомбардировщики могли бы бомбить цели, указанные советским командованием. Поэтому Арнолд настоятельно просил Дина сделать вопрос о челночных бомбардировках приоритетным в его деятельности в Москве<sup>4</sup>.

Дин был рад приступить к исполнению. Но вскоре после начала Московской конференции он понял, что советская сторона желала обсуждать лишь открытие второго фронта. Советские представители ждали подтверждения обещания

высадиться в Европе как можно скорее, как пообещал Рузвельт в июне 1942 года в беседе с Молотовым. Дин и генерал-лейтенант сэр Гастингс Лайонел Исмей, главный военный советник Черчилля, изо всех сил убеждали советскую сторону, что второй фронт непременно откроется в 1944 году.

Дин воспользовался положительным эффектом от выступления и поднял вопрос, который волновал его больше всего: обустройство американских авиабаз на территории, подконтрольной Советскому Союзу. Он был готов открыть личный “второй фронт” прямо сейчас<sup>5</sup>.

Как вспоминал впоследствии Дин, его обращение в первый же день конференции “прозвучало для советских представителей как гром среди ясного неба”. В ответ Молотов стал тянуть время. Он согласился рассмотреть предложение, которое включало две дополнительных просьбы от генерала Арнолда: установить более качественный обмен метеосводками между военно-воздушными силами США и СССР и улучшить авиасообщение между двумя странами. Молотов пообещал перезвонить Дину и его коллегам позднее. Дин вспоминал, что этот обмен репликами стал его первым уроком того, как вести себя с советскими официальными лицами: “...ни одному официальному лицу в России не разрешено принимать решение по вопросам, в которые вовлечены иностранцы, не посоветовавшись с вышестоящей властью, и обычно этой вышестоящей властью был сам Сталин”<sup>6</sup>.



Прошло два дня, прежде чем народный комиссар иностранных дел смог ответить участникам конференции, что советская сторона относится к предложению благосклонно. На самом деле он боялся появления на советской территории американских авиабаз. В русской культуре с опаской относились к иностранному присутствию еще с тех давних пор, как отряды поляков в начале XVII века взяли Москву и разграбили большую часть Московского государства. Впрочем, были и более недавние прецеденты. Советские лидеры помнили события революции и Гражданской войны, когда иностранные войска – в том числе британские, французские и американские – в 1918 году высадились в Мурманске на Баренцевом море, в Одессе на Черном море и в Баку, центре каспийских нефтяных месторождений, а также во Владивостоке. Интервенты поддерживали антибольшевистские силы в России и покинули страну только в 1920 году. Масла в огонь подливало то, что американская интервенция происходила в те годы, когда помощником министра военно-морских сил США был Франклин Делано Рузвельт (1913–1920), а усилия англичан направлял не кто иной, как Уинстон Черчилль, министр вооружений (1917–1919) и военный министр Великобритании (1919–1921).

“Я их всех знал, капиталистов, но Черчилль – самый силь-

ный из них, самый умный. Конечно, он стопроцентный империалист”, – вспоминал Молотов, который в 1918–1920 годах укреплял советскую власть в борьбе с интервентами. Продолжая свои воспоминания об империалистическом поведении Черчилля, Молотов в 1970-х годах рассказывал в интервью писателю Феликсу Чуеву: “Говорит: «Давайте мы установим нашу авиабазу в Мурманске, – вам ведь трудно». – «Да, нам трудно, так давайте вы эти войска отправьте на фронт, а мы уж сами будем охранять». Тут он назад попятился”. Предложение американцев открыть авиабазы на Дальнем Востоке Молотов понимал лишь как стремление Рузвельта захватить землю: “Занять определенные районы Советского Союза. Вместо того чтобы воевать. Оттуда было бы непросто их потом выгнать...”<sup>7</sup>

Теперь, в октябре 1943 года, Сталину и Молотову пришлось решать, что делать с новой просьбой американцев относительно авиабаз. Красная армия начала форсирование Днепра, и положение Советского Союза стало устойчивее, чем прежде. Советские лидеры ждали от союзников выполнения ряда условий, которые представили на продолжавшейся конференции. Это открытие второго фронта, вступление Турции в войну против Германии для отвлечения немецких дивизий от советского фронта, разрешение Швеции устроить на ее территории советские авиабазы. Они решили оставить вопрос об авиабазах союзников как козырь и добиться от американцев желаемого.

Итак, 21 октября 1943 года, спустя два дня после того, как Дин озвучил свое предложение, Молотов сказал американской делегации, что советское правительство “принципиально одобрило” просьбу об устройении на территории СССР американских авиабаз и предложения насчет авиасообщения и обмена метеосводками. Госсекретарь Халл поблагодарил и, считая что дело улажено, оставил Дина обсуждать детали с коллегами в Генштабе Красной армии. “Конечно же, я ликовал: я и недели не провел в Советском Союзе, а все три главные цели достигнуты! – вспоминал Дин. – Разве могли мной не гордиться в Объединенном комитете начальников штабов?”<sup>8</sup>

Двадцать шестого октября, в ответ на запрос Дина, ему телеграфировали из Вашингтона конкретные детали, касавшиеся авиабаз: “Мы рассчитываем примерно на десять баз, расположенных таким образом, чтобы тяжелые бомбардировщики могли совершать челночные рейсы и поражать обозначенные цели, вылетая с территории дядюшки Короля [*Uncle King* – кодовое имя Соединенного Королевства] и Италии, равно как и на обратном пути к дядюшке Королю и в Италию”. Начальники штабов хотели, чтобы Советский Союз обеспечил топливо, боеприпасы, бомбы и жилье, чтобы свести количество авиационного персонала из США (под кодовым именем *Uncle Sugar* – дядюшка Сахарок) к минимуму. Телеграмма была пространной и подробной. Начальники штабов были настроены серьезно и предполагали, что дело

уже началось<sup>9</sup>.

Вдохновленный ответом Молотова, Дин тоже целиком погрузился в работу. “Я целыми днями почти не отходил от телефона, а если и отходил, то, вернувшись, немедленно спрашивал, не звонил ли кто-нибудь из [советского] Генштаба уладить детали челночных бомбардировок”, – вспоминал он. Но никто не звонил Дину и не искал его. Именно тогда, как писал впоследствии Дин, он понял, что слова “принципиально одобрено” для советской стороны не значили ровным счетом ничего. Он решил взять дело в свои руки и настоял на том, чтобы его просьбу, а также “принципиальное одобрение” Молотова внесли в окончательный протокол конференции. Молотов отказался, сказав, что предложение на конференции не обсуждалось и занесению в протокол не подлежит. Дин настаивал – не помогло. Советская сторона отказывалась сотрудничать<sup>10</sup>.

\* \* \*

Прорыв произошел 29 ноября 1943 года в Тегеране, когда Рузвельт поднял вопрос о создании авиабаз на встрече со Сталиным, а советский диктатор пообещал заняться этим вопросом. Двадцать шестого декабря Молотов вручил Гарриману меморандум, в котором утверждалось, что советское правительство не возражает против предложения американ-



ской стороны о создании авиабаз Соединенных Штатов и, следовательно, командование Военно-Воздушных сил Красной армии получит указание начать предварительные консультации с представителями США. Гарриман и Дин проявляли сдержанный оптимизм. “Пусть даже эти соглашения лишь поверхностно касаются наших проектов, представленных советскому правительству, и сейчас они еще на стадии обсуждения, я чувствую, что они свидетельствуют об изменении отношения и откроют двери дальнейшему сотрудничеству”, – телеграфировал Дин в Объединенный комитет начальников штабов 27 декабря<sup>11</sup>.

Двери хотя и открывались, но их петли проржавели. В Вашингтоне генерал Арнолд уже потерял надежду когда-нибудь увидеть американские бомбардировщики на советской земле. Через месяц после встречи Гарримана с Молотовым, 29 января, Арнолд переслал Джону Дину телеграмму генерала Карла Эндрю Спаатса, командующего 8-й воздушной армией и Стратегическими ВВС США в Европе (USSTAF), отправленную с английской базы. В ней Спаатс поднимал вопрос о челночных бомбардировках, предлагая начать их со 120 бомбардировщиков. Что более важно, Спаатс писал, что челночные бомбардировки могли начаться без устройства американских авиабаз (американцы явно отошли от прежних позиций), а личный состав можно было направить на существующие советские базы с задачей помогать советскому техническому персоналу. Казалось, Арнолд, переслав-

ший телеграмму Дину, все еще желал получить для своих самолетов право приземляться на территории СССР, но на создании баз уже не настаивал<sup>12</sup>.

Телеграмма подстегнула Гарримана к действию. Тридцатого января он запросил встречу со Сталиным для рассмотрения вопроса об авиабазах. В тот миг что-то щелкнуло в тайном механизме Кремля, и Гарримана пригласили в кабинет Сталина – обсудить именно те авиабазы, на которые Арнолд уже и не надеялся. Встреча состоялась в 18:00 2 февраля, в присутствии Молотова. Согласно американскому меморандуму беседы, Гарриман начал с того, что сослался на просьбу Рузвельта и продолжил перечислять аргументы в пользу челночных бомбардировок, которые позволили бы союзникам “проникать дальше вглубь Германии”. Выслушав Гарримана, Сталин лично одобрил проект. Он сказал послу, что советское правительство “относится благосклонно” к предложению – явное улучшение по сравнению с формулировками Молотова “принципиально одобрено” и “не возражаем”. Сталин предложил начать операции, поднимая в воздух 150–200 самолетов, указал два аэродрома для приземления самолетов-разведчиков. По его мнению, советская сторона могла бы предоставить три авиабазы для бомбардировщиков в северной части Восточного фронта и еще три – в южной<sup>13</sup>.

Гарриман и Дин с трудом верили в реальность происходящего. Спаатс и Арнолд уже потеряли надежду получить

авиабазы, а Сталин совершенно внезапно развернулся на 180 градусов и всецело поддержал программу. “Никогда не забуду, как мы ликовали в ту ночь, когда Гарриман, встретившись со Сталиным, зашел ко мне сообщить хорошие вести”, – вспоминал впоследствии Дин. Он телеграфировал о новостях в Объединенный комитет начальников штабов. “Сегодня вечером маршал Сталин проинформировал посла о том, что согласился на проект челночной бомбардировки”, – так начиналась телеграмма, а дальше обсуждались детали следующего шага операции, и в том числе предоставление советских въездных виз для офицеров, которых требовалось немедленно направить из Лондона в Москву. Новости произвели в Вашингтоне сенсацию. Генерал Арнолд переслал Дину поздравления от самого Джорджа Маршалла, начальника Штаба армии США. “Нам совершенно очевидно, что поздравлений заслуживает то, как настойчиво и компетентно вы проводили переговоры”, – говорилось в телеграмме. Гарриман, помимо того, получил поздравления из Белого Дома<sup>14</sup>.

Никто не мог сказать, что или кто убедил Сталина согласиться на создание баз и преодолеть страх иностранной интервенции. Возможно, он наконец убедился, что американцы всерьез настроены открыть второй фронт, или надеялся подстраховаться, предложив им то, что они так настойчиво просили. Для американцев в Москве это уже не имело значения. “Кто говорил, что русские не желают сотрудни-

чать? Кто сказал, что мы не можем работать вместе? – писал Дин, вспоминая атмосферу ликования в те дни в Спасо-хаусе, резиденции американского посла в Москве. – От нас нужна была открытость, понимание и упорство, что мы с Авереллом и подтвердили своим примером”. Кажется, оптимизм Дина наконец-то себя оправдал. Америке и Советскому Союзу предстояло работать вместе, и не просто координировать сражения на разных фронтах, но и совместно планировать и совершать операции, чтобы “заставить немца сильнее ощутить удары союзников”, как сказал Сталин Гарриману во время встречи. Будущее вновь казалось лучезарным<sup>15</sup>.

## Глава 3. Неистовство

Слово свое Сталин сдержал. Три дня спустя Гарриман получил его одобрение на допуск американских солдат на советские базы, а Молотов созвал совещание с участием командующих военно-воздушными силами Красной армии, пригласив на него Гарримана и Дина. Встреча состоялась 5 февраля 1944 года. От советского командования присутствовали маршал авиации Александр Новиков, которого Дин называл “генералом Арнолдом красных ВВС”, и начальник Главного управления формирования и укомплектования ВВС РККА генерал-полковник авиации Алексей Никитин.

Новиков и Никитин, одноклассники (оба родились в 1900 году), принадлежали к новому поколению советских авиаторов. Оба получили командные должности в военно-воздушных силах после жестоких поражений Красной армии от люфтваффе в начале войны. В то время, за первые недели операции “Барбаросса”, советская армия потеряла почти половину самолетов: около 4 000 из 9 500. Многие были уничтожены бомбами, не успев даже вступить в бой. Новиков, возглавивший обескровленную авиацию годом позже, при поддержке Никитина реорганизовал ее, а с помощью “аэрокобр”, “дугласов” и других самолетов, поставляемых США в рамках ленд-лиза, превратил ВВС в эффективную военную

машину. В Красной армии еще не принимали идей стратегической бомбардировки и не пытались овладеть ее основами, но пилоты советских истребителей и бомбардировщиков блестяще поддерживали наземные операции на линии фронта, где сперва бросили люфтваффе вызов, а к концу 1943 года перехватили господство в небе<sup>1</sup>.

Оба командующих советской авиацией, в отличие от их политических начальников-политиков, стремились сотрудничать с американцами. В телеграмме, отправленной той ночью в Вашингтон, Дин давал рекомендации генералам Арнолду и Спаатсу: “Мы договорились, что вашим представителям следует прибыть как можно скорее, им разрешено прилететь прямо из Соединенного Королевства в Москву”. Мяч был на стороне американцев. Настал черед 53-летнего генерал Карла Эндрю Спаатса, который в то время принимал командование Стратегическими ВВС США в Европе: в состав этих сил входили 8-я воздушная армия в Великобритании, которой он командовал прежде, и 15-я воздушная армия в Италии. Обоим предстояло принять участие в челночных бомбардировках, — конечно, если на территории Советского Союза появятся авиабазы. Спаатсу не нужно было ни о чем напоминать. Шестого февраля, на следующий день после встречи Дина с командующими советской авиацией, Спаатс назначил полковника Джона Гриффита руководителем проекта челночных бомбардировок, присвоив самому проекту кодовое название “Бейсбол” — американцы готовились

сыграть в любимую игру. Пользуясь этой аналогией, можно сказать, что американцы будут играть и зарабатывать раны (очки), а Советы предоставят спортивные базы<sup>2</sup>.

Но нужно было поторопиться, чтобы успеть подготовить базы до высадки союзников в Европе. Это была сложнейшая задача: нужно было разработать план, сформировать новые подразделения ВВС для управления базами, доставки сотен людей и сотен тысяч тонн оборудования, материально-технических средств и боеприпасов вглубь советской территории. Дину и американским летчикам предстояло бежать наперегонки со временем. Пути к базам превращались в гонку с препятствиями, которые создавали Советы. И никто не мог сказать, успеет ли американская команда вовремя.

\* \* \*

Майор Элберт Лепавски из Чикаго, градостроитель и бывший университетский профессор, назначенный в группу планирования новой операции, с помощью бейсбольной терминологии прекрасно сформулировал общие цели. Всю суть “игры” он сводил к тому, чтобы показать “хозяевам поля” то, как хорошо играет команда “гостей”. Нужно было бросить вызов “хозяевам”, а для этого “гости” должны будут сыграть на всех полях. Лепавски имел в виду, что следовало устроить американские базы не только в западной части СССР, но и на Дальнем Востоке – и использовать их для вторжения на

Японские острова.

Но до этого было еще далеко. Ближайшая цель челночных операций состояла в том, чтобы помочь американской авиации разгромить люфтваффе, что было частью подготовки к высадке союзников в Европе. И главными целями стали немецкие аэродромы, авиазаводы и нефтеперегонные заводы, расположенные в Восточной Европе и снабжавшие самолеты дефицитным топливом. Во вторую очередь требовалось отвлечь люфтваффе от Западной Европы, открыв новый фронт на востоке, что было непросто: советская стратегическая авиация еще только зарождалась, а советское командование до сих пор не верило в выгоды стратегических бомбардировок<sup>3</sup>.

Казалось, полковник Джон Гриффит, новый командующий челночными бомбардировками, идеально подходил для проекта, связанного с Советским Союзом. Уроженец Сиэтла, он стал летчиком-асом за годы службы в британских экспедиционных войсках во время Первой мировой войны. Служил в Королевском летном корпусе, в разгар большевистской революции и гражданской войны принимал участие в интервенции на Русский Север. В то время он сражался против большевиков — теперь его попросили выступить на их стороне. Если оставить в стороне его политические симпатии и антипатии, Гриффит прежде всего и важнее всего был эффективнейшим военным специалистом. За 10 дней после назначения он привлек свой штаб и разработал подробный



план начала челночных бомбардировок. План предусматривал четыре миссии в месяц, в каждой задействовалось 200 американских бомбардировщиков.

К 28 февраля, после недельного перелета через Каир и Тегеран, Гриффит уже был в Москве и обсуждал детали операции с Алексеем Никитиным. Дин, сопроводивший Гриффита в кабинет Никитина, попросил разместить аэродромы ближе к центру линии фронта и как можно дальше на запад: чем меньше пришлось бы лететь бомбардировщикам, взлетающим в Великобритании и Италии, тем лучше. Но Никитин с большой неохотой рассматривал базы у советской линии фронта, предполагая, что многие из них уже уничтожены. Вместо этого он предложил базы в центре Украины, в южном секторе советского фронта и относительно далеко от передовой<sup>4</sup>. Дин не видел никаких вариантов, кроме как согласиться. Он предложил уже завтра осмотреть аэродромы. Согласно американскому меморандуму беседы, Никитин пообещал “попробовать устроить” визит. Это было хорошее начало.

Полковник Гриффит и его команда подготовились к полету. Но на следующий день от Никитина новостей не было. Прошел еще день, и еще. Гриффит мучился ожиданием. Ему дали три недели на подготовку начала челночных бомбардировок. Неделя ушла на то, чтобы добраться до Москвы, еще за семь дней у него была единственная встреча с командующими авиацией Красной армии. Дин пытался успокоить

Гриффита и его заместителя, полковника Альфреда Кесслера, приходившего в такое же нетерпение. “Они привыкли иметь дело с англичанами, к которым хоть подход можно было найти, – вспоминал Дин в мемуарах. – Они не могли добраться до русских и выпустить пар, но могли добраться до меня. И я большую часть времени приглаживал им перышки”<sup>5</sup>.

Прошло более двух недель, прежде чем Гриффит и Кесслер увидели предложенные базы: полет состоялся только 31 марта. Из Москвы они направились на юг, в Центральную Украину. Там, на левом берегу Днепра, на землях бывшей Гетманщины, казачьего государства XVII–XVIII столетий, располагались три старинных казачьих города: Полтава, известная благодаря одноименно битве 1709 года; Миргород, малая родина писателя Николая Гоголя, и Пирятин. Во всех трех городах были аэродромы, построенные до войны; немцы использовали их, захватив эту территорию в 1941–1943 годах. Теперь аэродромы предложили американцам.

В Полтаве немцы повредили или уничтожили все, кроме одного барака. Не осталось “ни водопровода, ни канализации, ни электроснабжения”, как писал Гриффит своему руководству в Англию. Бетонную взлетно-посадочную полосу невозможно было продлить из-за существующих строений, однако было достаточно места для постройки новой из металлических сборно-разборных плит. Железнодорожную ветку, ответвление магистрали, немцы разрушили, но амери-

канцы посчитали, что ее можно восстановить. На другой базе, в Миргороде, в восьмидесяти километрах к северо-западу от Полтавы, не уцелело вообще никаких зданий, но благодаря этому полосу можно продлевать в любом направлении. В Пирятине, в восьмидесяти километрах от Миргорода, не было ни построек, ни взлетных полос, и группа, проводившая инспекцию, не смогла даже приземлиться. Американцев ни одна из баз не впечатлила. Гриффит считал, что Советы то ли не могли, то ли не хотели предлагать что-либо еще, а потому приходилось брать что дают<sup>6</sup>.

К тому времени как полковник Гриффит посетил аэродромы Полтавы и Миргорода и рекомендовал принять базы, ему оставалось еще лишь несколько дней руководить проектом челночных бомбардировок “Бейсбол”, ныне получившим новое имя – “Фрэнтик”. Военные, давшие операции новое название, представляли панику и бедствия, в которые ввергнут немцев челночные бомбардировки. Также оно в полной мере отражало состояние Гриффита, учитывая постоянные трудности, которые чинила ему принимающая сторона. То и дело случались проволочки с оформлением разрешений на инспектирование аэродромов, доставкой оборудования, получением ответов на простейшие вопросы. Все это сводило его с ума. Кроме того, советская сторона настояла на полном контроле действий американцев. Даже личный самолет Гриффита, Дуглас С-47 “Скайтрэйн”, мог совершать полеты из Тегерана и обратно лишь под управлением пило-

та из СССР. Власти также хотели, чтобы советские штурманы и радисты сопровождали любой американский самолет, а американским санитарным самолетом по их настоянию даже управлял советский экипаж.

Дин был намерен сохранять мир с советскими командующими почти любой ценой. “Полковник Гриффит полагает, что операции в вышеозначенных условиях будут сильно затруднены и что к подобному положению дел следует привлечь ваше внимание, – телеграфировал Дин в Лондон и Вашингтон. – Впрочем, я не считаю, будто из этого надлежит в настоящий момент видеть важную проблему: скорее в долгосрочном плане для нас выгоднее попытаться снимать эти ограничения постепенно”. Дин и Гриффит явно не встречались с глазу на глаз, и Гриффит хотел, чтобы о его несогласии с командующим знали вышестоящие лица. Дин, со своей стороны, полагал, что Гриффит, помогавший антибольшевистским силам сражаться с красными во время революции, неправильно все воспринимал и что его необходимо заменить, если успех проекта все еще важен. Гриффиту пришлось уйти: он стал первой жертвой желания Дина и командования ВВС осчастливить Советы и сохранить перспективы для “Фрэнтик”. В начале апреля Дин проинформировал советскую сторону о том, что полковник отозван обратно в США<sup>7</sup>.

Восьмого апреля Гриффита сменил полковник Кесслер. Он, как и его командир, сначала был поражен тем, сколь мед-

ленно идут переговоры с СССР, но решил отнестись к этому по-другому. В 1943 году Кесслер провел три недели в Советском Союзе в составе американской делегации, которую возглавлял Дональд Нельсон, глава американского Управления военно-промышленного производства. Выпускник академии Вест-Пойнт и Массачусетского технологического института, где получил диплом по авиастроению, Кесслер был впечатлен советским военным производством и вообще Советским Союзом. Поэтому Дину было намного комфортнее работать с ним, а не с Гриффитом: он даже не упомянул имени последнего в своих воспоминаниях о пребывании в Москве<sup>8</sup>.

Пятнадцатого апреля 1944 года, после ставших привычными проволочек принимающей стороны, Кесслер, несколько его помощников и почти полторы тонны груза для начала работы были доставлены на советском самолете в Полтаву, и Дин смог наконец-то отпраздновать маленькую победу. В день, когда Кесслер вылетел из Москвы в Полтаву, Дин телеграфировал Спаатсу в Лондон и Арнолду в Вашингтон: “Кесслер и его сотрудники сегодня отправились в Полтаву”. Также он просил как можно скорее повысить Кесслера в звании с полковника до бригадного генерала. Дин, как всегда, спешил: ожидалось, что базы будут готовы до того, как основная часть американского контингента достигнет украинских степей. Войска были уже в пути: четыре эшелона американских военных, более 1 200 авиаторов<sup>9</sup>.

Полковники Гриффит и Кесслер, прилетевшие в Москву в феврале 1944 года с горсткой офицеров, составили первый эшелон оперативной группы для операции “Фрэнтик”. Второй и третий эшелоны были многочисленней, но и в них оказались не сотни, а десятки офицеров и солдат, которых могли доставить в Полтаву по воздуху из Тегерана. Четвертый, последний и самый большой, эшелон составили 67 офицеров, четыре уоррент-офицера и 680 военнослужащих рядового и сержантского состава: более половины всего американского контингента в СССР. Они плыли морем, пересекали пустыни, горы и степи – весь путь занял почти два месяца.

\* \* \*

Четвертый эшелон начали формировать в лагере Джефферсон-Холл (59-я база ВВС США) в Стаффордшире, возле городка под названием Стоун между Бирмингемом и Манчестером, в начале марта 1944 года. Авиатехников и наземный персонал набирали из состава 8-й воздушной армии генерала Спаатса, причем не как бойцов существующих подразделений, а в частном порядке, отчего группа получилась разношерстной, не обходилось без разногласий. Впрочем, командиры охотно исключали тех, кого считали нарушителями спокойствия и неподходящими для миссии. Руководители вербовки старались отобрать тех, кто знал свое дело и отличался отменным здоровьем. Неопытных, имевших вене-

рические заболевания (они не были редкостью), грыжи или плохие зубы не допускали<sup>10</sup>.

Избранные понятия не имели, куда и зачем их отправят. Пункт назначения предстояло держать в секрете до тех пор, пока они не пересекут границу СССР. Двадцать пятого марта эшелон загрузился в поезд и отправился в Ливерпуль, где американцы поднялись на борт британского военного корабля “Алькантара”. Корабль направился из Ливерпуля вдоль британского побережья в залив Ферт-оф-Клайд, защищенный от Атлантики и немецких подлодок полуостровом Кинтайр. Там “Алькантара” дожидалась, пока прибудут другие корабли и сформируется конвой, идущий в Гибралтар.

Вечером 12 апреля, пройдя вдоль побережья Северной Африки и один раз сбросив глубинные бомбы на предполагаемые немецкие субмарины, судно бросило якорь в египетском Порт-Саиде. Бойцы четвертого эшелона сошли на землю, забрали багаж и груз и переместились в лагерь “Хакстеп” – военную базу союзников в тринадцати километрах от Каира, названную в честь американского капитана Хакстепа, чей самолет разбился в Северной Африке в 1943 году. На базе им предстояло провести две недели: готовиться к оставшейся части пути, который, как им сказали, лежал в Тегеран, – отдыхать и заводить романы с медсестрами из американского Красного Креста. В дневнике одного из солдат отмечено, что командующие “водили всех смотреть на пирамиды, Сфинкса, древние маски и другие остатки древнеегипетской

цивилизации”.

Палмер Мира, 22-летний радар- и радиооператор из Висконсина, вспоминал, что забраться на пирамиду было очень непросто: они построены из каменных блоков высотой более метра: на них легко оступиться, и тогда покатишься на сто “ступеней” вниз. Американцы узнали, что несколько дней назад здесь разбился насмерть британский солдат. И все же Мира вспоминал, “как все ликовали, когда наконец добрались до вершины. Оттуда было видно почти всю дельту Нила”<sup>11</sup>.

В полдень 23 апреля первое из двух отделений четвертого эшелона разместилось в поезде, идущем из Каира в Хайфу. Расстояние в 480 км они преодолели за 36 часов. От Хайфы ехали на грузовиках. Если морская часть пути была опасной, а поездка на поезде – некомфортной, то ехать на грузовиках через пустыни и горы было и некомфортно, и опасно. Пришлось преодолеть примерно 885 км по пересеченной местности от Хайфы до Багдада: это был первый длинный отрезок пути в Тегеран. Кое-где они проезжали меньше двадцати пяти километров за час. “Горные дороги и крутые подъемы не позволяли передвигаться быстрее”, – писал капитан Чарльз Мэннинг, которому поручили вести хронику пути. Но главное – не хватало воды: бойцам, как гласит журнал, “разрешалось набирать воду лишь один раз во время остановки”. Если питьевой воды было мало, то о мытье и речи не шло. Наконец 1 мая они прибыли в Багдад. Всем дали два



свободных дня – вымыться и отдохнуть.

Утром 3 мая они снова были в пути. Теперь их везли на грузовиках в Хамадан, расположенный на юго-западе от Тегерана. Путь туда – еще 590 километров почти по бездорожью. Прибыли 5 мая, в полдень. Для 47 рядовых бойцов и 6 офицеров это была последняя точка пути. Советская сторона настаивала на строгом ограничении: 1 200 американцев на полтавских базах, поэтому эти 53 человека оказались лишними. Их переподчинили командованию силами в Персидском заливе, и они так и не поняли, чего лишились. Остальные, примерно 650 человек, по-прежнему не знали, куда идут. Присутствие русскоязычных в их рядах указывало на Советский Союз. Но были и те, кто владел китайским. Почти все думали, что едут усиливать американские войска в Китае и будут строить авиабазы для сражений с японцами.

Только 10 мая офицеры и бойцы четвертого эшелона (рядовых было больше, все чаще их всех – и простых солдат, и авиаторов – называли просто “джи-ай” от английского GI, *government issue* – принадлежащий казне, казенный) узнали, куда направляются: они вступили на территорию Северного Ирана, бывшую под советским контролем. Кто-то, увидев большую красную звезду, которой Советы обозначили здание на границе своей территории, предположил, что это заправка *Texas*. Они не сразу осознали, что попали на территорию, где уже запрашивала советская власть. Одиннадцатого мая они вошли в Тебриз, главный город Восточного Азер-

байджана. Там их уже ждал советский железнодорожный состав. Многострадальные путники помылись, поели и в 20:30 поехали дальше. Многие вспоминали последний отрезок пути как самый приятный. Вагоны были удобными, места хватало, и не было никаких проблем ни с едой, ни с водой<sup>12</sup>.

\* \* \*

Расслабился и капитан Мэннинг, до этого заполнявший страницы дневника подробными описаниями пережитых в пути испытаний. За пять дней путешествия от Тебриза до Полтавы новых записей не набралось и на половину страницы. Зато этот период был задокументирован советской стороной – командирами и переводчиками, заполнявшими подробные рапорты для военной контрразведки.

Встретив американцев впервые в жизни, многие советские офицеры были действительно поражены. Они с заметной завистью отмечали хорошую экипировку и снабжение американских солдат: каждый офицер и рядовой нес рюкзак, весивший килограммов тридцать пять, и чемодан, а то и два личных вещей – неслыханная роскошь по советским меркам. Советских военных удивил демократизм в отношениях американских офицеров и солдат. “Внешнюю дисциплину нельзя назвать в полной мере удовлетворительной; воинские приветствия и субординация перед вышестоящими лицами почти незаметны. Американский солдат разговари-

вает с офицером, держа руки в карманах, с сигаретой в зубах”, – писал изумленный советский командир. Он привык к практике, унаследованной из русской имперской армии, где рядовой при встрече с офицером должен был первым приветствовать его и стоять по стойке смирно. Советские военные были потрясены беспечным отношением американцев к безопасности: путешествуя по незнакомой территории, они не назначали караул, а после прибытия в Полтаву оставили оружие без присмотра!

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.